

ЖИВОЙ ГОЛОС ШЕКСПИРА

ШЕКСПИР! Это имя, как пароль, открывающий сердца людей, вот уже четыре столетия произносит человечество. В этом апреле, в день его рождения, люди на всем земном шаре будут с великой благодарностью говорить о четырехсотлетнем царствовании на сценах мира этого доброго, гуманного и справедливого «короля драматических поэтов». И как знаменательно, что в эти весенние апрельские дни в Москве, где Шекспира любят так, «как сорок тысяч братьев любить не могут», Королевский Шекспировский театр показывает «Короля Лира», спектакль, родившийся в родном городе поэта.

«Король Лир» — одна из самых жестоких и трудных трагедий Шекспира. Тому, кто подымается на вершину этой шекспировской трагедии, откроется страшная «дыба жизни», картина века, в котором вывернуты наизнанку, извращены все человеческие понятия: дочери предадут отца, отцы изгоняют сыновей, брат подымает руку на брата, старикам вырывают глаза, короли становятся шутами, ничтожества и непойманные убийцы облачаются высшей властью. Перед нами мир, в котором, для того чтобы ясно видеть, надо ослепнуть, для того чтобы ясно мыслить, надо сойти с ума. Некоторые говорят: это слишком, это нельзя выдержать, не «переборщил ли» Шекспир? Я только что был в Бухенвальде и видел следы такого злодества, перед которым меркнет даже эта трагическая вахтаналия Шекспира. Шекспир помогает тому, чтобы это не повторилось. Шекспир умеет и со дна пропасти показать людям небо надежды... Гибнет «раненный в мозг» король Лир. Гибнет прямодушная Корделия... Но жив и будет драться за Человеческа честный Кент, а с ним Эдгар, похожий на Гамлета, юноша, способный с оружием в руках защищать справедливость. И уже безвестный слуга всемогущего герцога Корнуэльского, простой парень из народа, подымает руку на своего подлого властелина.

Режиссер Питер Брук (он же художник спектакля) нашел удивительно точную и, я бы сказал, аскетически строгую форму для своего «Короля Лира». Три огромных серебристо-лунных плоскости — как образ подлунного мира, где бушует трагедия. Ржавые металлические листы, как знаки ворот замка или щитов тронного зала. Черная, свисающая с потолка лестница и изломанная линия ограды, вносящая беспокорность и тревогу. Простые, грубо сколоченные скамьи и некрашеный стол с короной — вот и вся декорация. В ней и правда древней Британии и сегодняшний лаконизм решения. Костюмы намеренно лишены театральной броскости: черная и коричневая кожа плащей, тускло-зеленая униформа слуг, блеклые тона женских одежд. Никаких световых эффектов. Сцена, по-брехтовски, все время освещена ровным светом. Ничего, что бы отвлекало внимание от шекспировского слова, от актера, никакой музыки, так часто заменяющей в Шекспире своим «колдовством» страсти героев. Только вой бури, грохот войны и тревожное пение труб. Все подготовлено для актера. И вот на сцену выходит Пол Скофилд в роли Лира. Первое впечатление — какой-то светящейся доброты, какой-то детскости, что ли, продолжающей жить в этом сутуловатом старике с пергаментным лицом.

Через несколько минут это ощущение пропадает. Появляется вздорность. Мы видим, что этот избалованный абсолютной властью старик играет в какие-то опасные, жестокие игрушки. Детская чистота души и какой-то удивленности перед миром мелькнула и скрылась за тучами, как короткая увертюра роли, мелодию которой мы окончательно поймем лишь, когда закончится спектакль. Лир Скофилда приступает к разделу королевства. Нет, это не выношенное, зрелое решение; как это было, скажем, у Михозлса, который гениально играл Лира на советской сцене. Тот сознательно испытывал судьбу и дочерей, убежденный в своей непомерной гордыне, что он сам, обожествленная личность короля, выше королевства. Это скорее наивная вера в то, что все останется по-прежнему и можно позволить себе и эту игру. Шаг за шагом, долго не понимая того, что происходит, Лир-Скофилд подымается по ступеням трагедии к той переломной сцене, когда загнанный в угол и преданный дочерьми, раненный в мозг король постигает, наконец, всю меру предательства и всю непоправимость совершенной им ошибки. «Шут мой, я схожу с ума», — это было сказано поистине большим артистом. Скофилд — актер современный, интеллектуальный, очень сдержанный в выявлении чувств. В его Лире та же благород-

ная строгость, что и в облике всего спектакля. Он нигде не рвет страсть в ключья, не обливается слезами. В этом есть и свои издержки. Иногда сдержанность переходит в чуть рассудочную суховатость. И как ни странно, ты это почти не замечаешь. Чем больше мы следим за Скофилдом-Лиром, тем яснее проступает его тема; тема обретаемой вновь в борениях и муках человечности и доброты.

Эта тема, если можно так сказать, сыграна Скофилдом на виолончели, чья певучая, исполненная огромного обаяния и мысли кантлена взрывается иногда трагическими всплесками литавр. Наступает знаменитая сцена в степи. Она поставлена Питером Бруком по-рембрантовски скупо и мощно, с большим доверием к зрительской фантазии.

Мы видим Лира, преклоняющего колени перед голым, «неприкрашенным», голимым судьбой Эдгаром. Ему близки сейчас все бездомные нагие горемыки, о которых он так мало думал прежде. Долой все жалкие остатки величия, он тоже только терзаемый бедами человек, и никто больше. Проникновенная простота и какая-то печальная мудрость отличают собой эти человечнейшие сцены, в которых полубезумному Лиру открывается суть вещей. Вот после кризисной сцены безумия его выносят спящего в кресле к Корделии. В сущности это та же мизансцена, что в первой картине. Он снова на троне и снова, как в первые секунды спектакля, нас поражает свет его детской чистоты. В муках обрел он нечто неизмеримо более высокое, чем утраченная им власть короля: он снова Человек. Вдохновенно Скофилд играет финал спектакля, когда, держа на руках мертвую Корделию, он появляется на сцене, оглашая воздух скорбными криками.

Вслед за Лиром в спектакле Питера Брука возвышаются три мощные, истинно шекспировские фигуры. Это — Гонерилья, Кент и Эдмонд. Гонерилья — в исполнении талантливой Айрин Уорт — родная сестра леди Макбет. В этой властолюбивой, воинственной, чувственной ведьме — своя железная логика поведения, своя глубина переживаний, своя драма. Она гибнет, обуреваемая грешными страстями.

Кент — Том Флеминг — полон мужественной отваги, прямоты и соленого мужицкого юмора. К нему не очень идет графский титул. Это глыба характера, вышедшая из самых глубин народа. Собранный, одержимый бешеным желанием совершить свой «путь наверх», виртуоз подлости и цинизма, Эдмонд — артист Изн Ричардсон, становится настоящим Яго спектакля. В молодой актрисе Дайлане Ригг живет целомудренное, строгое прямодушие.

Подлинный театр возникает тогда, когда мы не только следим за судьбой главных героев, но замечаем, как живет на сцене какой-нибудь персонаж в толпе или безмолвный стражник. Питер Брук добился именно такого ансамбля. Мы надолго запомним ряд удивительных сцен, созданных режиссерским талантом Питера Брука, которые своим образным светом по-новому осветили для нас знакомые и любимые страницы Шекспира. Особенно поразила меня сцена воображаемого суда над дочерьми, которую вершит Лир на ферме, близ замка Глазстера. Какая-то крестьянская изба, заваленная мешками и соломой. На деревянном столе нищий Эдгар в короне короля. И Лир-Скофилд в длинной сермяжной рубашке, ставший вдруг неожиданно похожим на русского мужика, пытающего правду: почему сердце его дочки из камня? Смотря эту сцену, я вспомнил, как однажды в Стратфорд-на-Эйвоне, на не приметной на первый взгляд улочке Хенли-стрит, вошли мы в дом, где родился творец «Короля Лира». Простой каменный очаг с висящим над ним закопченным железным котелком, простые деревянные скамьи, такие же, как в спектакле Питера Брука. А над кроватью, где родился Шекспир, рядом с его колыбелью, тонкая деревянная лючина, точно такая, какую можно было увидеть когда-то в наших русских деревнях. Это поразительное открытие, что Шекспир родился в доме, неотразимо похожем на русскую крестьянскую избу, сделало особенно острым то чувство братской общности, которое связывает его с нами, со всем человечеством.

Это же чувство утверждает и прекрасный спектакль Шекспировского Королевского театра, который не только является выдающимся успехом Питера Брука, Пола Скофилда и их товарищей по сцене, но и укрепляет нашу дружескую связь с народом, давшим миру Шекспира.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.

ней информации — доб. 2-20
В 3-69-03; Литературы и искус-
16-53; Корреспондентской сети —

В 02964

Индекс
50050.

Типография «Известий Со-
имени И. И. Скворцова»